

хакбу джарёжир [Материалы археологической секции 43-й исторической конференции в Корее]. – Б.м.: Б.и., 1999. – С. 251 – 256 (на кор. яз.).

Чой С.Р., Ли Х.Д. Джаннёнри Дангхасан юджеок [Стоянка Джаннёнри Дангхасан]. – Гуангзу: Мудол, 2000. – 547 с. (на кор. яз.).

Чой С.Р., Ли Х.Д., Ким Ё.Х. Отчет об исследовании памятника культуры в районе аэропорта Муан. – Гуангзу: Мудол, 2001 (на кор. яз.).

Ю Е.У. Характеристика ручных рубил из береговой зоны Имжин – Хантан // Хангукгогахакбо. – 1997. – Вып. 36. – С. 147 – 180 (на кор. яз.).

Derevianko A.P. Two Major Waves of the Early Human Population Migration into Asia // Suyanggae and Her Neighbors: 7th International Symposium. – Danyang: S.n., 2001. – P. 31 – 60.

Han C.G. About the Second Terrace formation period at the Yangpyong Byongsanri Paleolithic site // Suyanggae and Her Neighbors: Second International Symposium Danyang: S.n., 1997. – P. 139 – 155.

Lee H.J. New Understanding of Pebble Tool Tradition in Korean Peninsula // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 1998. – Т. 2. – С. 322 – 331.

Li S.B. Middle-Upper Paleolithic Transition in Korea: A Brief Review // Хангукгусеокгихакбо. – 2001. – Вып. 4. – С. 17 – 24.

Park H.H. A study of the Upper Paleolithic at the Changnae, Korea: Seoul: Yonsei Univ., 1989.

Материал поступил в редколлегию 16.10.02 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.)*

Введение

Изучение бронзового и раннего железного веков северной части Центральной Азии в пределах Монголии и Южного Забайкалья имеет почти трехсотлетнюю историю. В 30-х гг. XVIII в. появились первые сведения о плиточных могилах [Миллер, 1937, с. 517 – 518]. С 70-х гг. XIX в. стали известны херексуры и оленные камни [Потанин, 1881; Радлов, 1893; Талько-Гринцевич, 1896, 1902; и др.]. Одновременно проводились сбор материалов с развешенных стоянок и изучение петроглифов. Однако осмысление полученных данных не выходило за рамки предположений и догадок [Диков, 1958, с. 7 – 17; Волков, 1967, с. 4; Гришин, 1981, с. 5 – 13; Савинов, 1990а, с. 107 – 109].

Начало научно обоснованной историко-культурной оценке этих памятников было положено Г.И. Боровко по монгольским материалам [1927] и Г.П. Сосновским – по забайкальским [1933, 1941]. Их результаты были углублены по памятникам Монголии С.В. Киселевым [1954], В.В. Волковым [1967], Д. Навааном [1975], Э.А. Новгородовой [1984, 1989], Д. Эрдэнэбаатаром [1997, 2002], а Забайкалья – А.П. Окладниковым [1954, 1975; Окладников, Запорожская, 1969, 1970], Н.Н. Диковым [1958], Ю.С. Гришиным [1981], И.И. Кирилловым [1979, 1981], Н.Л. Членовой [1992], О.И. Кирилловым [1994], И.В. Асеевым [1997] и др. При этом крупные обобщения материалов бронзового и раннего железного веков северной части Центральной Азии осуществлялись по региональному принципу – либо по Южному Забайкалью, либо по Монголии. Однако было очевид-

но, что памятники обоих регионов однотипны и этнокультурны. Мы предприняли попытку объединить материалы культуры плиточных могил этих регионов, дополнив данными с территории Китая [Цыбиктаров, 1989, 1998а]. В течение 1970 – 1980-х гг. на Хэнтэй-Чикойском нагорье на границе Южного Забайкалья и Монголии проводились исследования памятников таежного населения эпохи бронзы и раннего железа, результаты которых обобщила Л.В. Семина [1986].

Завершая очень краткий обзор истории изучения бронзового и раннего железного веков Центральной Азии, отметим, что с 50 – 60-х гг. XX в. стали формироваться разные подходы к историко-культурной оценке выявленных памятников. В качестве примера можно привести варианты их датировок. Плиточные могилы Г.И. Боровко, Г.П. Сосновский, В.В. Волков, И.И. Кириллов датировали VII – III вв. до н.э., А.П. Окладников, Ю.С. Гришин, Э.А. Новгородова, И.В. Асеев [1985] – серединой II тыс. до н.э. – II в. н.э., А.Д. Цыбиктаров – XIII – VI вв. до н.э., Н.Л. Членова – VIII в. до н.э. – II в. н.э. Херексуры А.Д. Цыбиктаров, Ю.С. Худяков [1987], Д. Эрдэнэбаатар относят к середине II – началу I тыс. до н.э., Э.А. Новгородова – к середине II тыс. – III в. до н.э., Г.П. Сосновский (см.: [Дебец, 1948]), Л.Р. Кызласов [1979] – к VII – III вв. до н.э., Г.И. Боровко, А.П. Окладников – к VI – VIII вв. н.э. Существует не менее восьми вариантов датировки оленных камней монголо-забайкальского типа: вторая половина II тыс. до н.э. – А.П. Окладников, середина II – начало I тыс. до н.э. – Э.А. Новгородова, середина II – середина I тыс. до н.э. – А.П. Окладников, XII в. до н.э. – первая половина I тыс. до н.э. – А.Д. Цыбиктаров [2000б], первая половина I тыс. до н.э. – В.В. Волков [1981], Д.Г. Сави-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 02-01-00400а.

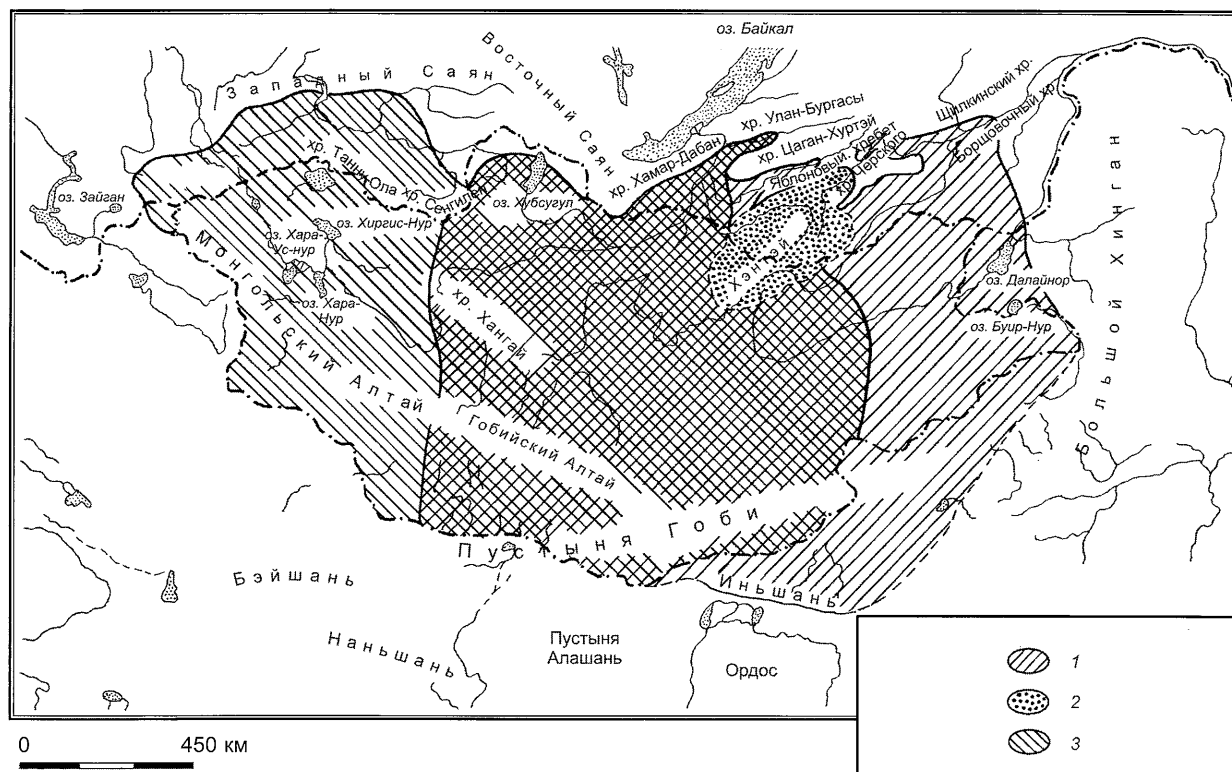


Рис. 1. Культурные области Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

1 – культура плиточных могил, 2 – хэнтэйская, 3 – культура херексуров.

нов [1994], IX/VIII – VII вв. до н.э. – М.П. Грязнов [1983], М.Е. Килуновская, В.А. Семенов [1998], VIII(IX) – IV вв. до н.э. – А.А. Ковалев [2000], VII – II вв. до н.э. – Н.Н. Диков, VI – IV вв. до н.э. – Н.Л. Членова [2000]. Дискуссионны вопросы о датировке и культурной принадлежности памятников дворцового типа Забайкалья и курганов монгун-тайгинского типа Западной Монголии, Тувы, Горного Алтая и Южной Бурятии.

Разногласия в датировании указанных памятников обуславливают и разные подходы к их осмыслению и интерпретации, что, в свою очередь, ведет к формированию различных представлений об особенностях культурно-исторических и этнокультурных процессов в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа.

Основу данной статьи составили материалы раскопок на территории Монголии и Южного Забайкалья: около 600 плиточных погребений более 220 могильников и 58 херексуров с 33 памятниками. Использованы публикации по оленним камням и петроглифам бронзового и раннего железного веков, учтены случайные находки. В целом задача заключалась в систематизации и анализе собранных материалов, их обобщении и исторической интерпретации, реконструкции культурно-исторических процессов в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа.

Культурные области эпохи развитой – поздней бронзы и раннего железа

К эпохе поздней бронзы на территории Монголии и Южного Забайкалья складываются три культурные области: две на востоке (степная и таежная) и одна на западе. Каждая из них имела особенности в облике памятников, материалов и направлении связей населения.

Восточная степная культурная область характеризуется памятниками культуры плиточных могил [Боровко, 1927; Сосновский, 1941; Киселев, 1954; Окладников, 1954; Диков, 1958; Волков, 1967; Наваан, 1975; Гришин, 1981; Членова, 1992; Цыбиктаров, 1998а]. Она охватывала огромные пространства (1400 км с севера на юг, почти 1800 км с востока на запад) от берегов Байкала на севере до предгорий Наньшаня на юге, от хребтов Большого Хингана на востоке до Котловины Больших озер на западе Монголии (рис. 1).

Основными памятниками данной культуры являются погребальные: плиточные и фигурные могилы, погребения дворцового типа. Плиточные могилы внешне выглядят как прямоугольные оградки, в той или иной степени возвышающиеся над уровнем дневной поверхности, а фигурные представляют собой кладки, стенки которых вогнуты вовнутрь. Захороне-

ния в них, как правило, индивидуальные. Умерших укладывали в вытянутом положении на спине головой на восток (66,4%), реже с отклонениями к северу или югу. Инвентарь представлен украшениями, принадлежностями одежды и туалета, реже орудиями труда. Еще более редкой находкой являются предметы вооружения. Среди погребений встречаются и безынвентарные, в которых отсутствуют даже фрагменты керамики.

Особую группу составляют захоронения дворцового типа*. Они имеют вид каменных кладок овальной или подпрямоугольной формы размерами по длинной оси до 6 – 8 м. В могильных ямах глубиной от 0,5 до 1,5 – 2,5 м умерших хоронили в вытянутом положении на спине головой на восток. В каждой из них найдены черепа преимущественно домашних животных в количестве от 3 – 5 до 30. Инвентарь этих погребений более богатый и разнообразный по сравнению с плиточными могилами [Кириллов И.И., 1979, с. 51 – 52; 1981, с. 34 – 35; Кириллов О.И., 1994, с. 10 – 15]. Погребения дворцового типа представляют собой захоронения родоплеменной знати носителей культуры плиточных могил [Цыбиктаров, 1998а, с. 131 – 133, 136].

По нашему мнению, культура плиточных могил относится к эпохе поздней бронзы – раннескифскому времени и в своем развитии прошла два этапа: чулутский – XIII – VIII вв. до н.э. и ацайский – VIII – VI вв. до н.э. [Цыбиктаров, 1989, с. 11 – 17; 1998а, с. 88 – 106]. Возможно, она сформировалась в период развитой бронзы по южносибирской периодизации бронзового века, примерно в середине II тыс. до н.э. [Цыбиктаров, 1998б, с. 605].

Сопоставление материалов чулутского и ацайского этапов показало плавное развитие данной культуры на протяжении конца бронзового – начала раннего железного века [Цыбиктаров, 1998а, с. 116 – 122]. Это означает, что культура населения скифского времени Монголии и Южного Забайкалья складывалась на основе культуры плиточных могил эпохи поздней бронзы. Здесь не произошло резкой смены облика материальной культуры и погребального обряда при переходе от одной эпохи к другой, а значит, не было и резких изменений в хозяйстве и верованиях. В этом заключается одна из главных особенностей культурно-исторических процессов при переходе от бронзового к раннему железному веку в Центральной Азии, в отличие от более западных

областей евразийских степей, где везде наблюдается четкая смена позднебронзовых культур культуры скифского типа.

В антропологическом отношении носители культуры плиточных могил характеризуются признаками северной сибирской ветви большой монголоидной расы: черепа брахикранные с низким сводом, высота лица в среднем умеренная или большая, лицо очень плоское, с широким уплощенным переносьем и слабо выступающими носовыми костями. В целом население отличалось единством антропологического типа, это были ярко выраженные монголоиды [Дебеч, 1952; Гохман, 1958; 1980, с. 22 – 23; Тумэн, 1985, с. 7; Алексеев и др., 1987, с. 231].

Основой хозяйства носителей культуры плиточных могил являлось скотоводство. Разводили лошадей, мелких и крупный рогатый скот [Сосновский, 1941, с. 308; Диков, 1958, с. 57 – 61; Волков, 1967, с. 92 – 95; Гришин, 1981, с. 193 – 196; Наваан, 1975, с. 95 – 119; Цыбиктаров, 1998а, с. 147 – 149]. В погребениях найдены кости лошадей (54% могил), овец (35,8), коров (16,6), а также диких животных (4,8% могил). По мнению Г.П. Сосновского [1941, с. 308], Н.Н. Дикова [1958, с. 61], В.В. Волкова [1967, с. 92], Д. Наваана [1975, с. 104 – 105] и Ю.С. Гришина [1981, с. 194], скотоводство с начала I тыс. до н.э. приняло кочевой характер.

Переход к подвижной форме ведения скотоводческого хозяйства произошел, с нашей точки зрения, даже раньше, к эпохе поздней бронзы, а может быть, уже в середине II тыс. до н.э. Этому во многом способствовало изменение климата в сторону аридизации на протяжении II тыс. до н.э. После климатического оптимума в неолите первое заметное увеличение сухости климата в Монголии произошло на рубеже среднего и верхнего голоцена – около 4 тыс. л.н. Эта засушливая фаза продлилась до середины II тыс. до н.э. Затем 3,5 – 3,3 тыс. л.н. наступил короткий период повышенного увлажнения, сменившийся новой фазой аридизации с максимумом около 2,7 – 2,6 тыс. л.н. [Виппер и др., 1978, с. 21; 1989, с. 165; Динесман и др., 1989, с. 197 – 203, рис. 1, 7]. Примерно по такой же линии шло развитие климата в соседнем Прибайкалье. Суббореальный период в Приольхонье начался с фазы аридизации, достигнувшей максимума 4,1 – 3,8 тыс. л.н. Затем произошло некоторое повышение влажности климата. Период 3,6 (3,7) – 3,3 тыс. л.н. был теплым и влажным, а 3,3 – 3,1 тыс. л.н. – холодным и засушливым [Воробьева и др., 1992, с. 179 – 180, табл. 1, 2; Горюнова, Воробьева, 1993, с. 96 – 98]. Нараставшая в течение II тыс. до н.э. аридизация климата ухудшала условия для земледелия, а прогрессирующий характер ксерофитности в степной зоне способствовал развитию скотоводства и переключению на разведение кочевых пород скота, прежде всего лошадей и овец, хорошо приспособлен-

* И.И. Кириллов и О.И. Кириллов выделяют погребения дворцового типа в самостоятельную культуру бронзового века Восточного Забайкалья. Ю.С. Гришин, В.В. Волков, Н.Л. Членова и автор статьи считают их одним из типов памятников культуры плиточных могил. Авторскую позицию см.: [Цыбиктаров, 1998а, с. 128 – 136].

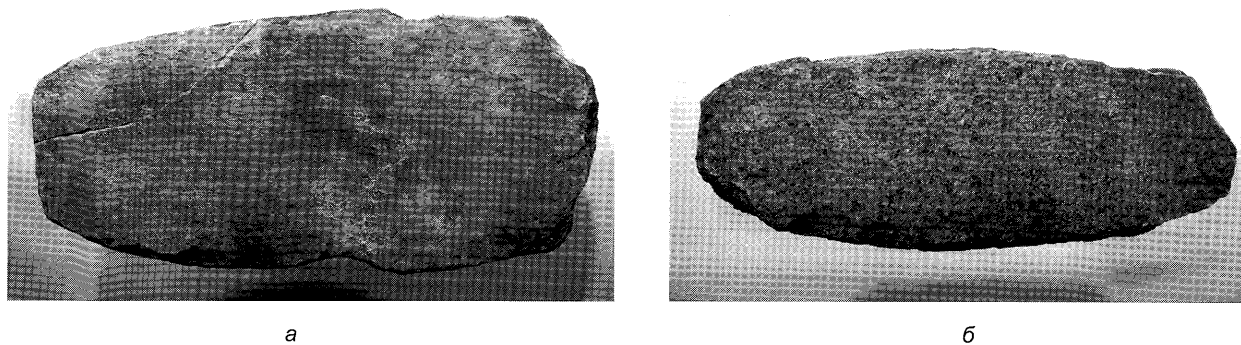


Рис. 2. Зернотерки из кладки сильно разрушенного объекта № 14 (плиточной могилы?).
Могильник Жаргаланта. Бурятия.

ных к содержанию на подножном корму в течение всего года в условиях резко континентального климата в Центральной Азии. Такая специализация стада вела к формированию подвижной формы ведения скотоводческого хозяйства.

Культура плиточных могил характеризуется развитым бронзолитейным производством и началом выплавки железа [Диков, 1958; Волков, 1967; Наваан, 1975; Гришин, 1981; Сергеева, 1981; Членова, 1992; Цыбиктаров, 1998а]. Охота, рыболовство и собирательство играли подсобную роль. В последние годы появились данные о занятиях земледелием. В кладке сильно разрушенной плиточной могилы (?) № 14 могильника Жаргаланта в Южной Бурятии были найдены две зернотерки (рис. 2), а в плиточной могиле № 1 могильника Хаар Асгат в Монголии – крупный фрагмент кольца-утяжелителя от деревянной мотыги [Эрдэнэбаатар, 2002, с. 239, рис. 1].

С культурой плиточных могил связаны петроглифы селенгинского типа. Они наносились на скальные плоскости красной и желтой охрой. Наиболее распространенными являются изображения оградок, человечков, пятен, хищных птиц [Окладников, Запорожская, 1969, 1970; Волков, 1967; Наваан, 1975; Новгородова, 1984; Мазин, 1994; Тиваненко, 1990].

Восточная таежная культурная область связана с районами Хэнтэй-Чикойского нагорья (см. рис. 1). Характеристика ее памятников была дана ранее [Цыбиктаров, 2002г]. Напомним лишь некоторые моменты. Л.В. Семина датировала эпоху бронзы Чикойско-Мензенской провинции XVIII – II вв. до н.э. и разделила ее на два периода: ранний (XVIII – VIII вв. до н.э.) и поздний (VIII – II вв. до н.э.). Эпоха “ранней бронзы” совпадает с периодами ранней, развитой и поздней бронзы степной зоны Евразии. “Позднебронзовое” время характеризуется материалами из почвенных (верхних) слоев памятников, датированных “ранней бронзой”, из горизонтов 2а Усть-Мензы I и 2, 3 Алтана [Семина, 1986, с. 7].

В эпоху “поздней” бронзы металлические орудия шире входят в обиход. В связи с этим падает роль камня. Значительно уменьшается доля орудий на пластинах и, соответственно, увеличивается количество изделий на отщепах, растет число крупных орудий – топоров, тесел, чопперов. Чаще встречаются орудия для обработки руды. Керамические сосуды становятся более крупными и массивными. Их поверхность затирается, иногда подвергается лощению. Орнамент становится беднее и все чаще переносится в зону венчика. Теряется тщательность его нанесения. В культурных слоях поселений несколько раз встречены фрагменты триподов и кости домашних животных – козы или овцы на Студеном, свиньи на Усть-Мензе III [Константинов, Семина, 1980; Семина, 1985, 1986; Сухопарова и др., 1990].

Культура населения горно-таежных районов Хэнтэй-Чикойского нагорья позднего бронзового века, которую мы предложили назвать хэнтэйской, самым тесным образом связана с культурой эпохи ранней бронзы. Ее носители, как и раньше, занимались охотой, рыболовством и собирательством. По сравнению с культурой плиточных могил хэнтэйская выглядит архаичной, она сохраняла некоторые неолитические черты. В антропологическом отношении население было монголоидным.

Западная культурная область характеризуется памятниками культуры херексуров и оленных камней. Она охватывала горно-степные районы Западной Монголии, Тувы и Юго-Восточного Алтая (см. рис. 1). Херексуры представляют собой памятники сложной конструкции. Они состоят из каменной курганной насыпи, ограды вокруг нее (в виде круга, квадрата, прямоугольника, трапеции) и поминально-жертвенных сооружений. В 24 из 58 херексуров были обнаружены останки людей. В 16 случаях они лежали на уровне древнего горизонта, в четырех – в неглубоких (15 – 20 см) могильных ямах. Чаще всего на уровне древней поверхности сооружалась валунная камера,

камера комбинированного типа или ящик. Умерших обычно укладывали в вытянутом положении на спине, реже на боку с подогнутыми ногами и еще реже в скорченном положении. В ориентации погребенных преобладает западное (10 случаев) или северо-западное (5) направление.

Для этой культуры характерны безынвентарные захоронения (лишь в насыпях двух херексурсов были найдены фрагменты керамики), что нельзя объяснить низким социальным положением умерших, т.к. сооружение херексурсов требовало усилий больших коллективов и, следовательно, в них были похоронены не рядовые члены общества, а представители родоплеменной знати. В антропологическом отношении носители культуры херексурсов были европеоидами. Но в восточных районах ее распространения встречаются черепа брахикранного типа или с явными следами метисации [Дебец, 1948, с. 119; Алексеев, 1974, с. 371, 382; Тумэн, 1985, с. 7 – 8; Алексеев и др., 1987, с. 231].

Другими характерными памятниками западной культурной области являются оленные камни монголо-забайкальского типа [Цыбиктаров, Данилов, 2000], которые в последнее время привлекают повышенное внимание исследователей. Поэтому нет необходимости останавливаться на их описании. По сравнению с херексурами оленные камни имеют гораздо меньшее распространение на территории Центральной Азии. Подавляющее их большинство сосредоточено в Центральной Монголии. В западных районах Монголии они встречаются гораздо реже [Волков, 1981, с. 101; Кубарев и др., 1998, с. 261] и еще реже в Туве [Савинов, 1994, с. 29 – 41, 58 – 69, 71; Семенов, 1997, с. 26 – 27; Килуновская, Семенов, 1998, с. 151, рис. 1, 2].

В насыпях 11 херексурсов и в жертвенниках найдены кости домашних животных, представлены те же виды, что и в плиточных могилах: лошадь, мелкий и крупный рогатый скот. Проживая в одинаковых природно-климатических условиях Монголии и Забайкалья, носители культур плиточных могил и херексурсов имели, скорее всего, схожий тип хозяйства и занимались преимущественно полукочевым и кочевым скотоводством.

С культурой херексурсов связана, как показывают реалии на оленных камнях, значительная часть бронз карасукского типа Центральной Азии из числа случайных находок. Они представлены кинжалами, ножами с звериноголовыми навершиями, боевыми топорами, наконечниками копий, стрел. Высокое качество их исполнения свидетельствует о расцвете бронзолитейного производства.

Общественный строй носителей культуры херексурсов, видимо, находился на стадии разложения патриархально-родовых отношений и формирования военной демократии. Похороненные в херексурах люди являлись, по нашему мнению, представителями ро-

доплеменной знати. В честь выдающихся из них устанавливались, вероятно, оленные камни. Высокий уровень милитаризации этого общества уже не раз отмечался в литературе [Худяков, 1987, 1993; и др.]. Погребения других слоев населения, занимавших более низкое положение в общественной структуре, представлены курганами монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Западной Монголии и Южного Забайкалья [Цыбиктаров, 20026]. Об их принадлежности к той же культуре свидетельствует тот факт, что основные формальные признаки (положение погребенных, их ориентация, устройство могил и наземных сооружений) херексурсов и курганов монгун-тайгинского типа совпадают (см. *таблицу*). По этим параметрам они почти неотличимы друг от друга. Если у херексура, содержащего внутри насыпи захоронение, убрать внешнюю ограду, то он будет представлять собой типичный курган монгун-тайгинского типа. Для обоих типов памятников характерен безынвентарный обряд захоронения. Все это свидетельствует об общих представлениях людей, оставивших херексуры и курганы монгун-тайгинского типа, о жизни в мире мертвых, путях и способах перехода в этот мир. Очень важна и близость антропологического типа данных групп населения. И те и другие характеризуются европеоидными особенностями, но в ряде случаев отмечается примесь монголоидных черт [Алексеев, 1974, с. 371, 382; Гохман, 1980, с. 29; Тумэн, 1985, с. 7 – 8; Алексеев и др., 1987, с. 230 – 231; Гохман, Влчек, 1991, с. 54].

Единообразие памятников и погребального обряда носителей этой культуры свидетельствует об единстве верований, мировоззренческих представлений, идеологии и позволяет рассматривать всю территорию распространения херексурсов и курганов монгун-тайгинского типа как единую культурно-историческую область.

Вопрос о датировке рассматриваемой культуры вследствие безынвентарного обряда захоронения очень сложен. Существуют разные варианты определения времени ее существования. На основании совокупности редких вещественных находок, особенностей погребального обряда херексурсов и курганов монгун-тайгинского типа, радиоуглеродных дат, анализа реалий оленных камней монголо-забайкальского типа мы датировем эту культуру эпохой развитой – поздней бронзы и раннескифским временем [Цыбиктаров, 1988; 1999в, с. 75; 20006]. Некоторые херексуры, но уже со срубам в глубоких ямах под насыпями – один из типов памятников культур скифского облика Саяно-Алтая – продолжали сооружаться и в позднескифское время.

С культурой херексурсов и оленных камней связано, видимо, значительное количество петроглифов, выбитых на скалах Монголии. Они выделены

Основные особенности курганов монгун-тайгинского типа и херексуров

Особенности погребального обряда и конструкции сооружения	Курганы монгун-тайгинского типа, %*	Херексуры**
<i>Положение погребенного</i>		
На боку	78,5	+
На боку с согнутыми ногами	9,8	+
На правом боку	30,4	Точных данных нет
На левом боку	60,8	То же
На спине	8	+
<i>Ориентировка</i>		
ЮЗ	10,7	—
З	67	+
СЗ	19,6	+
<i>Устройство могилы</i>		
На горизонте	49,1	+
Обкладка	22,3	+
Циста	27,7	Валунные камеры
Каменный ящик	5,4	Комбинированные камеры
Яма	56,2	+
Две могилы	5,4	—
<i>Наземное сооружение</i>		
Четырехугольное (в плане)	8,9	—
Округлое (в плане)	84,8	+
Выкладка	8	+
Одно кольцо/крепида	34,8	+
Два кольца	7,1	—
Внешняя ограда круглая	6,3	+

* По: [Чугунов, 1994]. Единичные случаи (менее 5%) фиксации тех или иных черт курганов монгун-тайгинского типа, как нехарактерные, не учитывались.

** Указываются только наличие (+) или отсутствие (—) признака вследствие небольшого, по сравнению с курганами монгун-тайгинского типа, количества раскопанных кладок, содержащих остатки захоронений, — 24 против 112.

А.П. Окладниковым и Э.А. Новгородовой и иногда называются петроглифами в стиле оленных камней [Савинов, 1990б]. Позже новые петроглифы бронзового века на западе Монголии были открыты В.Д. Кубаревым, Д. Цэвээндоржем и Е. Якобсон. На них часто встречаются изображения оленей с клювовидными мордами или выполненные в т. н. примитивно-реалистической манере с елкообразными рогами, антропоморфные фигуры с грибовидными головными уборами, с луками и клевцами. Имеются сцены сражения двух пеших воинов, вооруженных боевыми топорами-чеканами или клевцами. На петроглифах изображены горные козлы и бараны, режёт кабаны, лошади. Есть сцены охоты на диких животных. Среди сюжетов выделены т. н. солнцеголовые копыт-

ные [Окладников, 1980, 1981а, б; Новгородова, 1984, 1989; Кубарев, 1996; Кубарев и др., 1997, 1998; Цэвээндорж, 1999].

Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа

К эпохе поздней бронзы в этнокультурной ситуации на территории Центральной Азии произошли важные и существенные изменения по сравнению с периодом раннего металла [Цыбиктаров, 2002г]. Во-первых, к этому времени в степной и лесостепной зонах сформировались совершенно новые археологические культуры. В восточной части Монголии и Южном Забай-

калье место селенгинско-даурской заняла культура плиточных могил, а на территории монгольского варианта афанасьевской общности в Западной Монголии [Цыбиктаров, 2002а, г] распространилась культура херексуров. В южных гобийских районах Монголии пока не выявлено каких-либо оригинальных археологических памятников времени развитой – поздней бронзы и раннего железа, которые свидетельствовали бы о сохранении культурного своеобразия ее населения, характерного для предшествующего времени. Однако здесь известны плиточные могилы, а чуть севернее Гоби, в Баян-Хонгорском аймаке, – херексуры. Таким образом, территория южной культурной области времени раннего металла вошла в ареал культуры плиточных могил, а западная ее часть – возможно, в зону распространения культуры херексуров. Вероятно, население гобийской зоны подверглось культурной и этнической ассимиляции со стороны носителей степных культур или вообще покинуло по каким-то причинам места своего обитания. Лишь в горно-таежных районах Хэнтэй-Чикойского нагорья сохранилась культура предшествующего времени – хэнтэйская.

Во-вторых, в позднебронзовое время и в раннем железном веке образовались большие контактные зоны, где сосуществовали группы носителей культур плиточных могил и херексуров. Они протягивались на многие сотни километров, охватывали огромные пространства (см. рис. 1). Это свидетельствует не об эпизодических проникновениях отдельных групп на соседние территории, а о крупномасштабных миграциях больших масс населения. В результате территориальные границы степных культур стали неустойчивыми. Такие масштабные перемещения должны были иметь серьезные причины.

Отмеченные выше обстоятельства свидетельствуют о сложении в Южном Забайкалье и Монголии в эпоху поздней бронзы и раннего железа совершенно новой этнокультурной ситуации.

Хозяйство носителей обеих степных культур (плиточных могил и херексуров) имело ярко выраженный скотоводческий характер. Поэтому жили они в одних и тех же ландшафтных зонах степей и лесостепей. Появление мигрантов со схожим типом экономики на территории автохтонного населения затрагивало его жизненно важные хозяйственные интересы. По нашему мнению, культурно-исторические процессы в Центральной Азии были сопряжены с важными изменениями, происходившими в бронзовом веке в палеоэкономике степного населения (сложением кочевого экстенсивного скотоводства), демографической ситуации и в природно-климатической обстановке. Рассмотрим их подробнее.

Аридизация климата, начавшаяся в конце III тыс. до н.э. и продолжавшаяся до середины II тыс. до н.э., обусловила преобладание скотоводства в хозяйствен-

ных занятиях степного населения Центральной Азии. К концу указанного периода сформировался кочевой уклад жизни и стабилизировался подвижный состав стада (лошади, мелкий и крупный рогатый скот).

Примерно с 3 500 до 3 300 л.н. (XV – XIV вв. до н.э., что по периодизации бронзового века степной зоны Евразии соответствует развитому бронзовому веку) происходит повышение влажности климата. Безусловно, это сопровождалось ростом продуктивности пастбищ, а также создавало благоприятные условия для земледелия и положительно отразилось на экономике степного населения. Следует полагать, что носители культур плиточных могил и херексуров жили в этот период достаточно стабильно, совершая кочевки по устоявшимся маршрутам, попутно занимаясь земледелием, подобно монголам второй половины XIX – начала XX в. [Милушкин, 1924, с. 126 – 127, 130; Марков, 1976, с. 105 – 106]. Такая экологическая и экономическая обстановка позволяет предположить рост численности населения. По всей видимости, в целом ситуация в XV – XIV вв. до н.э. была весьма благоприятной для развития степного населения Центральной Азии. Поэтому и территориальные границы распространения культур оставались стабильными.

В конце II тыс. до н.э., в последней трети или четверти, как в Прибайкалье, так и в Южном Забайкалье началась очередная фаза аридизации климата. Исходя из одинаковой направленности климатических изменений в Монголии, Южном Забайкалье и Прибайкалье на протяжении голоцена и сопредельного их расположения, можно заключить, что и в Монголии в это время также началась фаза аридизации. Она сопровождалась уменьшением количества осадков, засухами, обмелением рек и озер, что должно было вызвать падение численности и продуктивности скота вследствие нехватки подножного корма и источников воды. Ухудшались условия и для занятия земледелием. Таким образом, наступившая в конце II тыс. до н.э. засушливая фаза была губительна для обеих отраслей производящего хозяйства. Аридизация климата в совокупности с таким фактором, как давление избытка населения на производительные силы в условиях производящего хозяйства, могла стать причиной миграции носителей обеих степных культур (плиточных могил и херексуров) в поисках более благоприятных местообитаний. При преимущественно кочевом скотоводческом хозяйстве прежде всего были необходимы хорошие пастбищные угодья. В результате начались крупномасштабные миграции носителей культур плиточных могил и херексуров по степям Монголии и Южного Забайкалья. Первые продвинулись до Баян-Улэгэйского аймака в Западной Монголии, а вторые – до Восточного аймака Монголии и Южной Бурятии (см. рис. 1). Таким образом, эти миграции носили встречный характер.

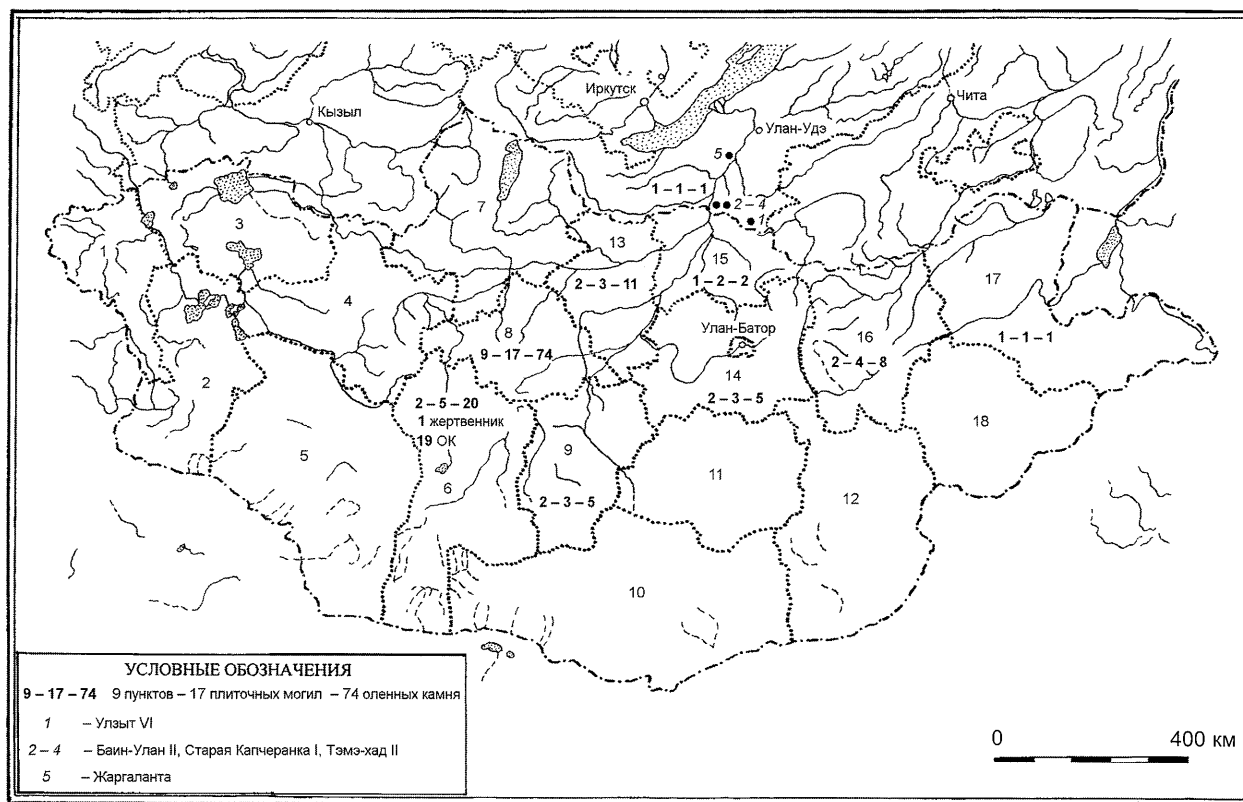


Рис. 3. Местоположение плиточных могил с вторично использованными оленними камнями и могильников с наложением кладок плиточных могил и херексуров в Монголии и Южном Забайкалье.

Аймаки Монголии: 1 – Баян-Улэгэйский, 2 – Кобдоский, 3 – Убсунурский, 4 – Дзабханский, 5 – Гоби-Алтайский, 6 – Баян-Хонгорский, 7 – Хубсугульский, 8 – Ара-Хангайский, 9 – Увэр-Хангайский, 10 – Южно-Гобийский, 11 – Средне-Гобийский, 12 – Восточно-Гобийский, 13 – Булганский, 14 – Центральный, 15 – Селенгинский, 16 – Хэнтэйский, 17 – Восточный, 18 – Сухэ-Баторский.

В конце II тыс. до н.э. носители обеих степных культур двинулись, вероятно, и в южном направлении, осваивая территории гобийских районов Монголии и Северного Китая. Поскольку после климатического оптимума аридизация климата в Центральной Азии продолжалась более пяти веков, можно предположить, что на протяжении этого огромного периода шел процесс постепенного опустынивания современных гобийских районов Монголии и Северного Китая, сопровождавшийся, вероятно, деградацией культуры потомков населения гобийской зоны эпохи раннего металла. Вторгавшиеся сюда с севера кочевые племена (носители культуры плиточных могил – в восточную часть, культуры херексуров – в западную), по-видимому, постепенно ассимилировали или вытесняли автохтонное население.

Крупномасштабные встречные миграции носителей культур херексуров и плиточных могил по степным и лесостепным районам Монголии и Забайкалья неизбежно должны были привести к конфликтам между мигрантами и автохтонным населением, т.к. уве-

личивалась плотность населения и росла интенсивность эксплуатации пастбищ. Вероятно, в это время имели место многочисленные военные столкновения за право обладания пастбищными угодьями.

Одной из форм проявления напряженных отношений между мигрантами и автохтонным населением стали акты обоюдного осквернения могил. Это зафиксировали раскопки херексуров и плиточных могил на памятниках Баин-Улан II, Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад II в местности Бурдуны на границе Бурятии и Монголии, осуществленные нами во второй половине 1990-х гг. (рис. 3). На Баин-Улане II и в Старой Капчеранке I носители культуры плиточных могил осквернили херексуры пришлого населения, частично разобрав их и используя камни при сооружении своих могил, которые перекрывают ограды херексуров (рис. 4 – 7). Но и сами плиточные могилы на обоих памятниках оказались потревоженными. На могильнике Тэмэ-хад II курган-жертвенник носителей культуры херексуров был сооружен так, что перекрыв края кладок двух плиточных могил (рис. 8). Только



Рис. 4. Кладки херексура № 4 и плиточных могил № 1, 2 после расчистки. Вид с В (90°). Могильник Старая Капчеранка. Бурятия. В правом верхнем углу видно наложение кладки плиточной могилы № 1 на северо-западную сторону ограды херексура; в левой части фотографии – кладка плиточной могилы № 2, установленная на линии юго-западной стенки ограды херексура.



Рис. 5. Кладки херексура № 19 и плиточных могил № 21, 23 после расчистки. Вид с СВ (45°). Могильник Старая Капчеранка. Бурятия. В левой части фотографии видно наложение кладок плиточных могил № 21, 23 на ограду херексура.



Рис. 6. Бляшка-пуговица (1) и зооморфная бляшка (2) из плиточной могилы № 1. Бронза. Могильник Старая Капчеранка. Бурятия.

они были оставлены в более или менее удовлетворительном состоянии для обозначения факта перекрытия, а все остальные плиточные могилы на этом могильнике в значительной степени разобраны. Таким образом, можно считать доказанными факты обоюдного осквернения могил со стороны носителей обеих культур, а следовательно, и их сосуществование на одной территории. Эти факты свидетельствуют о немирном характере взаимоотношений между носителями культур плиточных могил и херексуров [Цыбиктаров, 1999б, в].

Наряду с херексурами в Южной Бурятии выявлены и другие памятники пришлого населения: курганы монгун-тайгинского типа, оленные камни монголо-забайкальского типа и петроглифы саяно-алтайского типа. Последние получили название “кяхтинская группа писаниц” [Окладников, Запорожская, 1970, с. 133 – 159; Тиваненко, 1990, с. 35 – 37]. Курганы



Рис. 7. Кладки плиточных могил № 1 – 8, 14, херексура № 13, жертвенника № 12 после расчистки. Вид с СВ. Могильник Баин-Улан II. Бурятия. На заднем плане в правой части фотографии видно наложение кладок плиточных могил № 2, 4 на северо-западную сторону ограды херексура № 13. Кладка плиточной могилы № 1 находится между насыпью и северным углом ограды херексура № 13.



Рис. 8. Наложение кладки кургана № 3 саяно-алтайского типа на кладки плиточных могил № 7, 8. Вид с ЮЗ (222°). Могильник Тэмэ-хад II. Бурятия. В левом углу разобранная кладка объекта № 6 (плиточной могилы?).

монгун-тайгинского типа были выявлены на могильниках Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад I (рис. 9), Сухой Ключ [Цыбиктаров, Кузнецов, 2000; Цыбиктаров, 2002в].

Оленные камни – культовые стелы носителей культуры херексуров также использовались в качестве строительного материала, что было зафиксировано в 43 плиточных могилах на 28 могильниках Южного Забайкалья, Северной и Центральной Монголии (см. рис. 3, 10). Их количество (153 стелы) составляет более 30% от общего числа оленных камней, обнаруженных на территории Монголии и Забайкалья [Цыбиктаров, 2000а, с. 98]. Разбивая на куски культовые стелы мигрантов и используя их при сооружении могил или жертвенников, автохтонное население как бы демонстрировало свое неприязненное и открыто



Рис. 9. Кладка кургана № 5 монгун-тайгинского типа. Вид с ЮЗЗ (245°). Могильник Тэмэ-хад I. Бурятия.

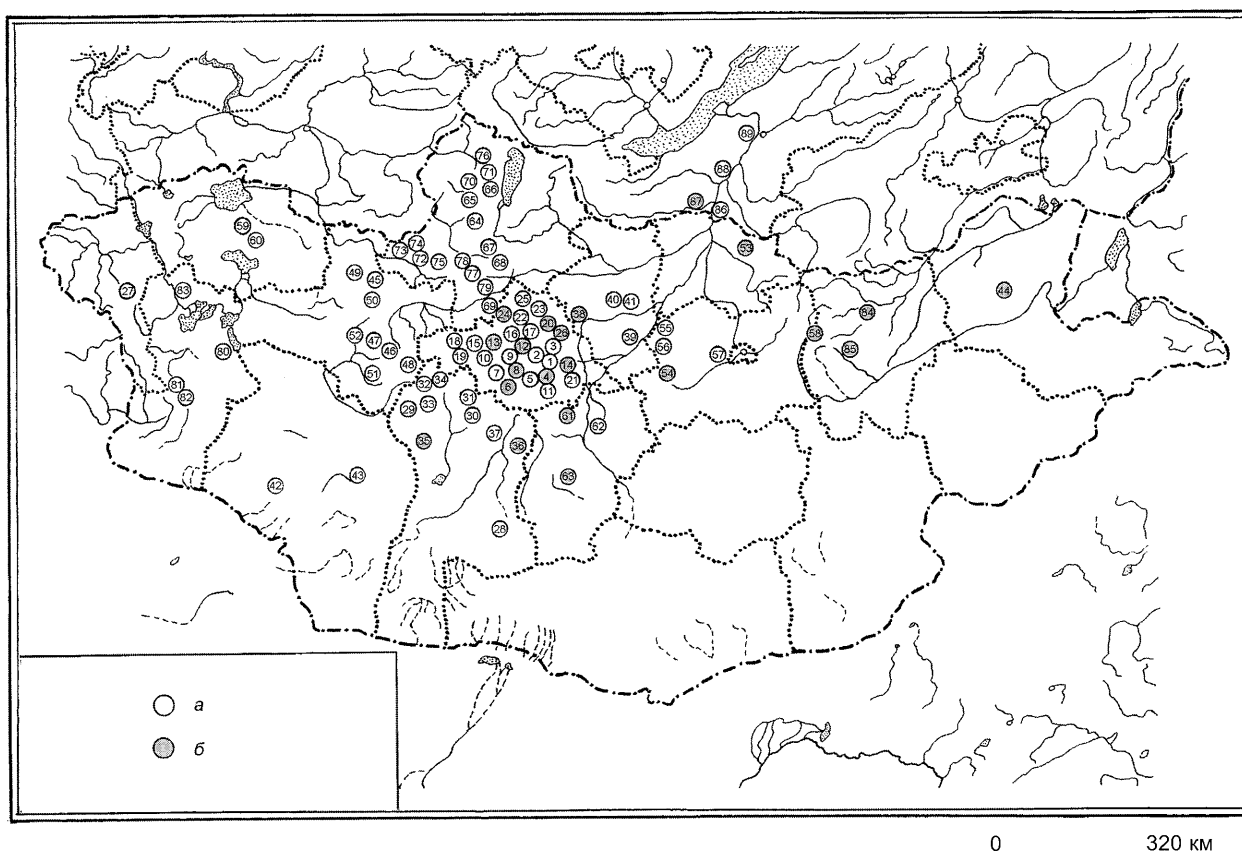


Рис. 10. Распространение оленных камней по территории Монголии и Южного Забайкалья (составлено с использованием материалов В.В. Волкова).

а – оленные камни, б – оленные камни во вторичном использовании в плиточных могилах.

враждебное отношение к пришельцам. Одновременно это означало осквернение жертвенников и святилищ носителей культуры херексуров (см.: [Цыбиктаров, 2000а]).

Территория распространения плиточных могил с вторично использованными оленными камнями охватывает, как показало их картографирование, Ара-Хангайский, Увэр-Хангайский, Баян-Хонгорский, Булганский, Центральный, Селенгинский, Хэнтэйский, Восточный аймаки в Монголии и южные районы Забайкалья (см. рис. 3, 10), т.е. всю контактную зону ареалов степных культур плиточных могил и херексуров. Значит, напряженные отношения между носителями этих культур имели не локальный, а достаточно масштабный характер.

Вторичное использование оленных камней в плиточных могилах происходило в период бытования стел монголо-забайкальского типа, подтипов 2 – 4 по классификации Д.Г. Савинова, которые он датирует X – VIII вв. до н.э. [1994, с. 113]. Однако, с нашей точки зрения, наиболее ранние из них появились, вероятно, еще в начале эпохи поздней бронзы, в XIII – XI вв. до н.э. [Цыбиктаров, 2000б; Варенов, 1995]. Следова-

тельно, часть плиточных могил и жертвенников с херексурами, связанных с оленными камнями монголо-забайкальского типа, может датироваться этим же временем, что позволяет отнести выявленные процессы к концу II – началу I тыс. до н.э.

По вещественным находкам могильники Баин-Улан II и Старая Капчеранка I были датированы концом II – началом I тыс. до н.э. [Цыбиктаров, 1999б, с. 508; 2000а, с. 98 – 99]. Это подтверждено радиоуглеродными датами*: Старая Капчеранка, плиточная могила (ПМ) № 2 – $3\,020 \pm 100$ л.н. (Ле-5819), ПМ № 3 – $2\,890 \pm 70$ (Ле-5822), курган монгун-тайгинского типа № 22 – $3\,330 \pm 120$ л.н. (Ле-5818); Баин-Улан II, ПМ № 4 – $2\,680 \pm 200$ л.н. (Ле-5820), ПМ № 7 – $2\,940 \pm 80$ (Ле-5825), ПМ № 8 – $2\,940 \pm 110$ л.н. (Ле-5821). Почти все даты легли достаточно плотно в пределах XI – IX вв. до н.э.

Вместе с тем отдельные факты вторичного использования оленных камней в плиточных могилах могли

* Радиоуглеродное датирование было выполнено в лаборатории радиоуглеродного анализа Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), зав. лабораторией Г.И. Зайцева.



Рис. 11. Кладки херексура № 2 и плиточных могил № 4, 5 (в левой части фотографии) после расчистки. Вид с ЮЮВ (162°). Могильник Жаргаланта. Бурятия. Кладки плиточных могил № 4, 5 установлены на линии ограды херексура № 2. При их сооружении были использованы камни ограды и насыпи херексура.



Рис. 12. Кладки херексура № 2 и плиточных могил № 4, 5 (на заднем плане в правой части фотографии) после расчистки. Вид с ЗСЗ (300°). Могильник Жаргаланта. Бурятия.



Рис. 13. Валунно-плитовая камера херексура № 3. Вид с ЮЮВ (165°). Могильник Жаргаланта. Бурятия.



Рис. 14. Валунно-цистовая камера херексура № 2. Вид с ССЗ (330°). Могильник Жаргаланта. Бурятия.

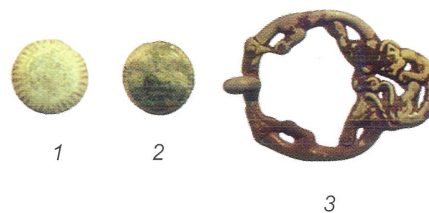


Рис. 15. Бляшки-пуговицы из плиточной могилы № 30 (1, 2) и пряжка из херексура № 2 (3). Бронза. Могильник Жаргаланта. Бурятия.

иметь место и в несколько более позднее время, на начальном этапе развития скифо-сибирских культур или в период, предшествующий их сложению, в самом конце эпохи поздней бронзы. На одной из вто-

рично использованных стел Алтан-сандаля изображен свернувшийся в кольцо хищник [Волков, 1981, табл. 4]. Наиболее раннее подобное изображение в бронзе происходит из кургана Аржан в Туве, дати-

руемого многими исследователями в пределах первой половины VIII в. до н.э. [Грязнов, 1980, с. 54; Бокоренко, 1986, с. 16; Марсадолов, 1989; Савинов, 1994, с. 65 – 66]. Олений камень из Алтан-сандаля относится к подтипу 2 стел монголо-забайкальского типа по классификации Д.Г. Савинова. Вероятность его достаточно ранней датировки в относительной хронологии оленных камней весьма высока. Обращают на себя внимание большие размеры фигур животных на нем, как оленей, так и лошадей, и отсутствие признаков зональности в размещении изображений на плоскости стелы. Это особенности ранних оленных камней (по: [Савинов, 1994, с. 74, 81, 152 – 154]). В архаичном реалистическом стиле выбиты и изображения лошадей – в полный рост с подчеркнуто большими головами и короткой массивной сильной шеей. В них легко угадываются низкорослые выносливые лошади монгольской породы.

В связи с этим напомним мнение исследователей о том, что аржанская пантера представляет собой классический сложившийся образ в законченном виде. Значит, истоки формирования данного сюжета уходят в предшествующую эпоху поздней бронзы. Если исходить из этого, то присутствие единичного изображения свернувшегося в кольцо хищника на камне из Алтан-сандаля вовсе не является неожиданным и вписывается в контекст всех остальных реалий оленных камней эпохи поздней бронзы.

В Южной Бурятии на могильнике Жаргаланта нами раскопаны три херексура, камни которых были использованы при сооружении плиточных могил (см. рис. 3, 11, 12). Камеры внутри насыпей (рис. 13, 14) по типологическим особенностям имеют больше конструктивных признаков памятников эпохи поздней бронзы, чем шангиского типа раннескифского времени. Но в херексуре № 2 Жаргаланты между камнями насыпи была найдена бронзовая пряжка, выполненная в зверином стиле, с изображением свернувшегося в кольцо хищника (рис. 15, 3), которое поразительно близко аржанской пантере [Грязнов, 1980, рис. 15] и изображению пантеры на оленном камне из Алтан-сандаля [Волков, 1981, табл. 4].

Эта пряжка свидетельствует о проникновении населения из западных районов Монголии и Саяно-Алтая в Южное Забайкалье не только в эпоху поздней бронзы, но и в начальный период развития культур скифо-сибирского типа. В IX – VIII вв. до н.э. в Туве и прилегающих к ней районах Монголии, Горного Алтая сложился мощный племенной союз с центром в Турано-Уюкской котловине, глава которого похоронен в кургане Аржан в Туве [Грязнов, 1980]. Вполне возможно, что это объединение кочевых племен стремилось распространить свое влияние на окружающие территории. Группы населения аржанского союза, проникшие в районы распространения культуры плиточных

точных могил в раннескифское время, могли оставить памятники, подобные Жаргаланте. В таком случае причины появления населения, оставившего херексуры, курганы монгун-тайгинского типа и наиболее поздние из оленных камней монголо-забайкальского типа, на территории носителей культуры плиточных могил на рубеже бронзового века и скифского времени (IX – VIII вв. до н.э.) были уже совсем иными, чем в конце II тыс. до н.э. Они связаны не с демографо-экономическими и природно-климатическими факторами, как в эпоху поздней бронзы, а с социально-экономическими.

Со временем между пришлым и местным населением установились отношения сосуществования, а затем начались и процессы этнического смешения групп, относящихся к разным антропологическим типам. Такое направление развития взаимоотношений было прослежено на могильниках Улзыт III и VI в долине р. Чикой на границе с Монголией. На могильнике Улзыт VI кладка двоянных плиточных могил аккуратно пристроена к круглой ограде херексура. При этом плиты южной стенки ограды одной из них были прислонены к камням ограды херексура, которая полностью сохранилась, как и насыпь. Лишь с южной стороны от валунно-цистовой камеры камни были выбраны в результате более поздней попытки ограбления [Цыбиктаров, 1998а, рис. 14, 15]. Это сделали не носители культуры плиточных могил. Будучи современниками строителей херексура, они хорошо знали, где находится камера, и поэтому при ограблении или осквернении херексура не могли ошибиться.

При раскопках херексура на могильнике Улзыт III в цисте на горизонте [Там же, рис. 17] был обнаружен костяк, череп которого характеризуется монголоидными признаками и, по мнению И.И. Гохмана (устное сообщение), почти идентичен черепам из плиточных могил. Это указывает, по нашему мнению, на установление не только спокойных и мирных отношений между носителями культур плиточных могил и херексуров, но и этнических связей между ними. Иначе трудно объяснить факт того, что человек из среды носителей культуры плиточных могил оказался похороненным по нормам погребального обряда носителей культуры херексуров. Анализ особенностей обряда захоронения в плиточных могилах позволяет предполагать наличие в погребальной практике населения, оставившего эти могилы, безынвентарного варианта, происхождения которого было обусловлено, возможно, контактами с носителями культуры херексуров [Там же, с. 80 – 81, 83 – 84, 153]. Такие факты могли иметь место только после нормализации отношений и установления прочных культурных и этнических связей. Таким образом, в конце бронзового века было положено начало формированию цен-

тральноазиатской расы континентальных монголоидов. Ведущим фактором этого процесса являлась метисация древней байкальской расы с европеоидами. Она сопровождалась постепенным уменьшением контрастности и формированием, “при явном преобладании монголоидного населения, смешанной по происхождению, но монголоидной по облику расы” [Гохман, 1980, с. 32 – 33; Алексеев и др., 1987, с. 237].

Раскопки херексуров и плиточных могил в западных районах Монголии, к сожалению, проводились эпизодически. В связи с этим заслуживает внимания Улангомский могильник V – III вв. до н.э. в окрестностях г. Улангома (см.: [Волков, 1978; Цэвэндорж, 1983; Новгородова, 1989]). Хотя он датируется более поздним временем по сравнению с рассматриваемым в данной статье периодом бронзового века, но для нас важны результаты антропологического исследования материалов памятника. Они показали заметную долю монголоидной примеси в европеоидном антропологическом типе населения, оставившего его [Мамонова, 1980]. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что истоки ее появления уходят в эпоху поздней бронзы – время начала активных этнических контактов между европеоидным населением – носителями культуры херексуров и монголоидным – носителями культуры плиточных могил.

Однако культурно-историческая ситуация в Центральной Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа определялась не только носителями степных культур плиточных могил и херексуров, но и таежным населением (хэнтэйская культура), во всяком случае в южных районах Забайкалья и прилегающих областях Северной Монголии в пределах Хэнтэй-Чикойского нагорья. В природном отношении Южное Забайкалье представляет собой контактную зону степей Центральной Азии и восточносибирской тайги. Поэтому по всей его территории степные и лесостепные пространства перемежаются с горно-таежными районами, вследствие чего степняки-скотоводы эпохи бронзы повсеместно жили по соседству с охотниками-рыболовами лесных горно-таежных районов – носителями хэнтэйской культуры, которые по своему жизненному укладу и особенностям материальной и духовной культуры представляли совершенно иной мир. Они представляли особую этнокультурную общность. Ее представители жили не только на Хэнтэй-Чикойском нагорье, но и, возможно, в глубинных районах Монголии в пределах таежной части горной системы Хангая.

При сравнении культурных комплексов степного и таежного населения наряду с четко выраженными различиями прослеживаются и некоторые общие черты. Различия фиксируются прежде всего в погребальном обряде. Носители культуры плиточных могил бронзового века уже практически не имели ничего общего с погребальной обрядностью предшествую-

щего неолитического времени. Охотники и рыболовы тайги, напротив, сохраняли достаточно много черт, уходящих своими корнями в неолитическую эпоху: скорченное положение погребенных, использование охры, невыразительный инвентарь. Вместе с тем наблюдается и некоторая близость в материалах памятников степного и таежного населения Южного Забайкалья, особенно в керамике. Она прослеживается в технике изготовления сосудов методом выколачивания, в их формах, в некоторых приемах нанесения и композиционном построении орнамента на поверхности глиняной посуды. Однако в целом керамика лесного населения обнаруживает значительное сходство с таковой неолита – раннего металла, в то время как керамика из плиточных могил – минимальное. Это связано с тем, что в позднем бронзовом веке различия в материальной и духовной культуре степного и лесного населения окончательно приобрели этнокультурный характер. Близость же некоторых особенностей керамики объясняется, во-первых, общей древней подосновой, уходящей в неолитическую эпоху, а во-вторых, непрекращающимися культурными, хозяйственными и, вероятно, этническими связями [Цыбиктаров, 1999а, с. 73 – 76]. Исследователи чикойско-мензенских поселений отмечали появление бронзолитейного производства у лесного населения под влиянием степняков. В керамических коллекциях с памятников, оставленных этим населением, имеются фрагменты характерных для культуры плиточных могил гладкостенной керамики, украшенной валиками, и триподов [Семина, 1985, с. 121 – 122, рис. 6, 10; 1986, с. 12] (см. коллекции в лаборатории ЧГПУ).

Приведенные данные свидетельствуют о прямых контактах степного и таежного населения, весьма мозаично заселявшего Южное Забайкалье в соответствии со специфической ландшафтной ситуацией. Четкого территориального разграничения между этими общностями не существовало. Они сообразно направленности своей хозяйственной деятельности расселялись по территории края, постоянно перемежаясь друг с другом, примерно так же, как это было еще в недавнем прошлом (в XIX – начале XX в.) в расселении бурят и эвенков в южных районах Забайкалья. Тогда некоторые группы эвенков жили даже в лесных районах Северной Монголии в верховьях р. Иро. Таким образом, культурные, хозяйственные и этнические контакты степняков-скотоводов и охотников-рыболовов тайги обуславливались как социально-экономическими, так и природно-географическими факторами. Но контакты прослеживаются преимущественно по материалам таежных поселений, в плиточных могилах такие свидетельства практически не обнаруживаются. Вероятно, это говорит о том, что контакты не носили активного характера и происходили, скорее всего, эпизодически. Возможно, в них

больше были заинтересованы хэнтэйцы, получавшие от степняков металл, изделия из него и, может быть, время от времени домашних животных, кости которых изредка встречаются в позднебронзовых слоях поселений.

Заключение

Итак, материалы раскопок плиточных могил, херексуров, памятников горно-таежных районов Южного Забайкалья и Монголии и восстанавливаемые по ним события свидетельствуют о достаточно сложной этнокультурной ситуации в Центральной Азии в конце бронзового и начале раннего железного века. В это время здесь взаимодействовали три этнические общности, представленные культурами плиточных могил и херексуров степной зоны, хэнтэйской горно-таежных районов края. При этом, проживая в одной экологической нише, носители культур плиточных могил и херексуров взаимодействовали между собой весьма активно, а их контакты с таежным населением происходили, вероятно эпизодически, по мере необходимости.

В результате в палеосибирском антропологическом типе носителей культуры плиточных могил появляется европеоидная примесь. В эту эпоху было положено начало формированию центральноазиатской расы континентальных монголоидов. Пять черепов из плиточных могил Центральной Монголии (Увэр-Хангайский и Ара-Хангайский аймаки), характеризующиеся особенностями центральноазиатской расы [Тумэн, 1985, с. 7 – 8, 15 – 16], подтверждают это. В восточных районах распространения культуры плиточных могил, судя по отсутствию в Восточном Забайкалье, Восточной Монголии и восточной части Гоби херексуров, антропологический тип ее носителей, видимо, не претерпел особых изменений. Это подтверждают несколько черепов байкальского типа из плиточных могил Восточной Монголии [Там же]. Примерно такая же ситуация, но с поправкой в сторону европеоидности, имела место в то время в Западной Монголии. Черепа из безынвентарных погребений монгун-тайгинского типа в Убсунурском и Кобдосском аймаках, череп из херексура в Худжиртэ в Центральной Монголии характеризовались европеоидными признаками при некоторой монголоидной примеси [Алексеев, 1974; Тумэн, 1985, с. 7 – 8, 15 – 16; Гохман, Влчек, 1991]. Таким образом, последствия событий, происходивших в эпоху поздней бронзы и в начальный период раннего железного века в южнозабайкальско-монгольских степях, имели самое непосредственное отношение к формированию антропологических особенностей центральноазиатской расы. Антропологический тип таежного населения остался, веро-

ятно, без особых изменений в силу редкости контактов с другими обитателями Южного Забайкалья и Северной Монголии.

В целом же стоявшие за культурами плиточных могил, херексуров и хэнтэйской древние этнические общности разной расовой принадлежности определяли историческую и этнокультурную ситуацию на обширных пространствах Центральной Азии от Байкала до Гоби и от Хингана до Монгольского и Российского Алтая в эпоху поздней бронзы и раннего железа. В это время в степях Монголии и Южного Забайкалья произошли существенные изменения в этнокультурной ситуации. Они имели принципиальный характер и кардинальным образом изменили культурно-историческую обстановку в Центральной Азии.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 370 – 390.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.** Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208 – 241.
- Асеев И.В.** К вопросу о датировке могил типа четырехугольных оградок // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 34 – 40.
- Асеев И.В.** Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1997. – 46 с.
- Боковенко Н.А.** Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 24 с.
- Боровко Г.И.** Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Вып. 2. – С. 43 – 88.
- Варенов А.В.** К датировке оружия, изображенного на оленных камнях Монголии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 25 – 35.
- Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т.** Опыт реконструкции растительности Западной и Центральной Монголии в голоцене // География и динамика растительного и животного мира Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1978. – С. 19 – 24.
- Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т.** Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 160 – 167.
- Волков В.В.** Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.
- Волков В.В.** Улангомский могильник // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 101 – 107.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.

- Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Савельев Н.А.** Хронология и палеогеография голоцена юга Средней Сибири // Геохронология четвертичного периода. – М.: Наука, 1992. – С. 174 – 181.
- Горюнова О.И., Воробьева Г.А.** Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С. 94 – 117.
- Гохман И.И.** Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 18. – С. 428 – 443.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1980. – Т. 36. – С. 5 – 34.
- Гохман И.И., Влчек Э.Э.** Древнее погребение из Худжиртэ (Центральная Монголия) // Сб. МАЭ. – СПб.: Наука, 1991. – Т. 44. – С. 48 – 54.
- Гришин Ю.С.** Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 204 с.
- Грязнов М.П.** Аржан – царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
- Грязнов М.П.** Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1983. – С. 3 – 18.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 4).
- Дебец Г.Ф.** Череп человека из плиточной могилы в Херексурин-Ури (Забайкалье) // Зап. БМИК. – Улан-Удэ, 1952. – Т. 16. – С. 63 – 67.
- Диков Н.Н.** Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 108 с.
- Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В.** История степных экосистем Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1989. – 215 с. – (Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики; Т. 32).
- Килуновская М.Е., Семенов В.А.** Оленные камни Тувы. Ч. 1 // Археологические вести. – СПб., 1998. – № 5. – С. 143 – 154.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности и средневековье: Учеб. пособие. – Иркутск: Б.И., 1979. – 96 с.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 38 с.
- Кириллов О.И.** Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – 20 с.
- Киселев С.В.** Эпоха производства орудий из бронзы // История Монгольской Народной Республики. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Гл. 2. – С. 46 – 51.
- Ковалев А.А.** О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 137 – 180.
- Константинов М.В., Семина Л.В.** Таяжные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: КемГУ, 1980. – С. 96 – 104.
- Кубарев В.Д.** Исследование петроглифов Монголии // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1996. – С. 136 – 139.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е.** Некоторые итоги работ по изучению петроглифов Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – С. 213 – 214.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е.** Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы IV годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – С. 258 – 265.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.
- Мазин А.И.** Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.
- Мамонова Н.Н.** Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1980. – Т. 36. – С. 60 – 74.
- Марков Г.Е.** Кочевники Азии. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 319 с.
- Марсаджолов Л.С.** Курган Аржан: Хронология, алтайские и европейские аналогии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. обл. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. – Запорожье, 1989. – С. 81 – 82.
- Миллер Г.Ф.** История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 607 с.
- Милюшкин П.** Монгольское земледелие // Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск, 1924. – № 6. – С. 126 – 132.
- Наваан Д.** Дорнод Монголийн хурлийн уе (Бронзовый век Восточной Монголии). – Улаанбаатар: Изд-во АН МНР, 1975. – 200 с.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.
- Окладников А.П.** Эпоха первобытнообщинного строя // История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1954. – Т. 1. – С. 9 – 48.
- Окладников А.П.** Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – Ч. 2. – С. 6 – 20.
- Окладников А.П.** Петроглифы Центральной Азии. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981а. – 228 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Чулутын-гола. – Новосибирск: Наука, 1981б. – 182 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. 1. – 220 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 264 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип Киришбаума], 1881. – Т. 2. – 272 с.
- Радлов В.В.** Атлас древностей Монголии. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1893. – 12 с. – (Тр. Орхонской экспедиции; Вып. 2).
- Савинов Д.Г.** Проблема оленных камней // История археологических исследований Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1990а. – С. 106 – 133.

Савинов Д.Г. Наскальные изображения в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990б. – С. 174 – 181.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 208 с.

Семенов В.А. Монгун-Тайга. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 100 с.

Семина Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 104 – 122.

Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 16 с.

Сергеева Н.С. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981. – 152 с.

Сосновский Г.П. К истории добычи олова на востоке СССР // Проблемы истории материальной культуры. – 1933. – № 9/10. – С. 15 – 19.

Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ. – 1941. – Т. 1. – С. 273 – 309.

Сухопарова С.А., Непомнящий А.С., Семина Л.В. Металл и камень Чикойско-Мензенской тайги в эпоху ранней бронзы // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. XXX РАЭСК. – Иркутск, 1990. – С. 188 – 189.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Протокол № 8 ТКОРГО за 1896 год. – Иркутск, 1896. – С. 14 – 31.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОРГО. – 1900. – Иркутск, 1902. – Т. 3, вып. 1. – С. 4 – 58.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 208 с.

Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 20 с.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 136 – 162.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 65 – 73.

Цыбиктаров А.Д. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР; Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. – С. 130 – 132.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 24 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998а. – 288 с.

Цыбиктаров А.Д. Место культуры плиточных могил в древней истории Забайкалья // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симпози. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. – Т. 1. – С. 600 – 608.

Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999а. – 264 с.

Цыбиктаров А.Д. Этнокультурные процессы в Южной Бурятии и Северной Монголии в эпоху поздней бронзы // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тез. Междунар. симпози. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999б. – С. 507 – 509.

Цыбиктаров А.Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999в. – С. 65 – 76.

Цыбиктаров А.Д. Оленные камни монголо-зabayкальского типа как источники по изучению взаимоотношений древних скотоводов Центральной Азии эпохи поздней бронзы и раннего железа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000а. – Т. 1: Археология. Этнология. – С. 98 – 102.

Цыбиктаров А.Д. К вопросу о датировке оленных камней монголо-зabayкальского типа // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000б. – С. 127 – 129.

Цыбиктаров А.Д. Могильники афанасьевского типа Монголии и Тувы // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002а. – С. 56 – 64.

Цыбиктаров А.Д. Херексуры и памятники монгун-тайгинского типа // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002б. – Кн. 2 (в печати).

Цыбиктаров А.Д. Территориальный аспект изучения херексуров и курганов монгун-тайгинского типа Центральной Азии // Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002в. – Т. 1: Археология. Этнология. – С. 67 – 74.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002г. – № 3 (11). – С. 107 – 123.

Цыбиктаров А.Д., Данилов С.В. К вопросу о культурной принадлежности оленных камней монголо-зabayкальского типа // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 1: Археология. Этнология. – С. 102 – 105.

Цыбиктаров А.Д., Кузнецов Д.В. Открытие курганов монгун-тайгинского типа на юге Бурятии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 429 – 434.

Цэвээндорж Д. Чандманьский могильник – памятник раннего железного века Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Батор, 1983. – 22 с.

Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух (История древнего искусства Монголии). – Улаанбаатар: Б.и., 1999. – 317 с.

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 247 – 354. – (Археология СССР).

Членова Н.Л. Олени, кони и копыта // РА. – 2000. – № 1. – С. 90 – 106.

Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы // Петербургский археологический вестник. – 1994. – № 8. – С. 43 – 53.

Эрдэнэбаатар Д. Памятники бронзового и раннего железного веков бассейна р. Селенги: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Батор, 1997. – 23 с.

Эрдэнэбаатар Д. Монгол нутгийн дорволжин булц, хиригсуурийн соёл (Культуры плиточных могил, херексуров Монголии). – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2002. – 275 с.

Материал поступил в редколлегию 17.04.02 г.

УДК 903.2

В.Н. Логвин

*Сургутский государственный университет
ул. Энергетиков, 14, Сургут, 628400, Россия
E-mail: lvn@lap.surgu.ru*

РАННИЙ ЭНЕОЛИТ ТУРГАЯ

Введение

Тургай – географическая страна, большая часть территории которой приурочена к Тургайскому прогибу, соединяющему Западно-Сибирскую и Туранскую равнины. С запада он ограничен Зауральским плато, а с востока – Казахским мелкосопочником и отрогами гор Улутау. Северная и южная границы прогиба четко не очерчиваются, и он незаметно переходит на севере в Западно-Сибирскую, а на юге – в Туранскую равнину. Территория эта давно привлекает внимание исследователей как Западной Сибири, так и Средней Азии, но очень долго на археологической карте она представляла собой белое пятно.

За последние три десятка лет ситуация существенно изменилась к лучшему. Были выявлены и введены в научный оборот достаточно полноценные материалы по мезолиту, неолиту, позднему энеолиту и эпохе бронзы. В настоящей работе представлена имеющаяся в нашем распоряжении информация по раннеэнеолитической эпохе.

В понимании содержания понятия “энеолит” мы следуем за Н.Я. Мерпертом, давшим, по нашему мнению, наиболее обоснованную его трактовку применительно к памятникам степной зоны [Мерперт, 1980]. Его концепция базируется на принципах, которые легли в основу первых систем археологической периодизации. Жизнеспособность их доказана всей практикой археологической науки. Созданные на основе этих принципов системы периодизации работают, и прав Н.Я. Мерперт, когда говорит, что они требуют не замены, а постоянного развития и обогащения [Там же, с. 5].

Первым по значимости признаком энеолита он называет распространение медных орудий, именно распространение, а не производство. Независимо от

того, где они были изготовлены – на месте или на другой территории и “импортированы” в данный район, – появление меди “оказало определенное воздействие на жизнь общества” [Там же, с. 4].

Для отнесения к энеолиту того или иного памятника или их группы совсем не обязательно присутствие находок из металла. Вполне достаточно установления сходства по другим важнейшим признакам материальной культуры (керамика, орудия труда, погребальный обряд и т.д.) с памятниками, где обнаружен металл, в особенности при наличии аналогичных экологических условий [Там же, с. 11]. С этих позиций и решался нами вопрос об отнесении тургайских материалов к энеолитической эпохе.

Материальная культура

Материалы раннего энеолита в настоящее время получены только в северной части прогиба при раскопках стоянок Алкау-2 и Дачная на р. Тоболе, а также Дузбай-1, Сулуколь-1 и поселения Бестамак, расположенных в верховьях р. Убаган, единственного в пределах степной зоны восточного притока Тобола*. Коллекции с этих памятников включают в себя разновременные находки, среди которых раннеэнеолитические можно выделить лишь по типологическим признакам.

Достаточно уверенно вычленяется раннеэнеолитическая керамика. Прежде всего, это посуда, находящая наиболее близкие аналогии в боборыкинской культуре. Большая часть ее имеет плотное тесто без

* Следует отметить, что близкие материалы были собраны Т.М. Потемкиной во время обследования Верхней Алабуги, Убагана I, III в пограничной зоне Тургайского прогиба и Западно-Сибирской равнины [Потемкина, 1985, с. 148 – 154; Ковалева, 1989, с. 28 – 29].